

Э. Кайзер

Эгалитарное пастушеское общество versus воины-кочевники?

Попытка реконструкции социальной структуры ямной и катакомбной культур.*

E. Kaiser.

Egalitarian Pastoral Society Versus Nomadic Warriors? An Attempt to Reconstruct the Social Structure of the Yamnaya and Catacomb cultures.

In the 20th century the society of the Yamnaya culture-historical entity, in particular, was often assumed to have involved mounted warriors who attacked populations in the Balkans and Carpathian Basin. This claim has not been contradicted due to lack of evidence in graves. The following article contrasts the features of the burials of the Yamnaya Culture with those of the Catacomb Culture as found in the northern Pontic area, in order to achieve a basis for the social interpretation of the members of both cultures. It can be shown that burials of the Yamnaya Culture differ through the complexity in grave construction (if the grave consists of two parts, its dimensions, the existence of a barrow above the grave etc.). The rather constant regime in Yamnaya graves seems to represent the burials of members of an egalitarian society, whereas the number and variability of grave inventories increases during the Catacomb Culture, especially in the Ingul Culture. Yet, evidence of mounted warriors in both culture-historical entities is still lacking.

E. Kaiser.

Societatea egalitară a păstorilor față de ostași nomazi? O încercare de a reconstrui structura socială a culturii iamnaia și culturii catacombelor.

În secolul al XX-lea deseori se presupunea că în societatea entității cultural-istorice Iamnaia au fost implicați ostași-călăreți care atacau populațiile din Balcani și bazinul Carpatic. Această afirmație nu a fost contrazisă din cauza lipsei de probe din înmormântări. Acest articol contrapune caracteristicile mormintelor din cadrul culturii iamnaia cu cele ale culturii catacombelor descoperite în zona Nordului pontic, să stabilească temeiul pentru interpretarea socială a membrilor ambelor culturi. Aceasta poate fi demonstrat prin faptul că mormintele culturii iamnaia se deosebesc prin complexitatea construcțiilor funerare (dacă un mormânt este alcătuit din două părți, dimensiunile acestuia, existența unei movile deasupra mormântului etc.) Regimul destul de constant în mormintele culturii Iamnaia pare să reprezinte înmormântările membrilor unei societăți egalitare, în timp ce crește cantitatea și variabilitatea inventarului funerar în perioada culturii catacombelor, în special, în cultura Ingul. Cu toate acestea, deocamdată lipsesc dovezile prezenței ostașilor-călăreți în ambele entități cultural-istorice.

Э. Кайзер.

Эгалитарное пастушеское общество versus воины-кочевники? Попытка реконструкции социальной структуры ямной и катакомбной культур.

В XX веке нередко высказывалось предположение, что в обществе, представленном ямной культурой, существовали конные воины, неоднократно вторгавшиеся на территорию Балканского полуострова и Карпатского бассейна. Это утверждение никем особенно не оспаривалось по причине отсутствия соответствующих признаков в погребениях. В данной статье сопоставляются характеристики погребений ямной и катакомбной культур в Северном Причерноморье с целью найти основания для интерпретации социальных структур обеих культур.

*Данная статья является слегка измененной версией немецкой лекции, которая состоялась на международной конференции «Социально-археологические перспективы: Общественные изменения 5000—1500 до н. э. между Атлантическим океаном и Кавказом» (15.—18.10.2007) в Киле. Статья была ориентирована на западноевропейский круг коллег, но мы все же надеемся, что и для восточноевропейского круга читателей она также представляет интерес. Сердечно благодарю за дискуссию и корректуру госпожу док. ист. Бибу Тержан, Любляна и док. фил. Катарину Мюллер, Цюрих. Док. ист. Игоря Манзура, благодарю за любезное приглашение опубликовать данную статью в журнале *Stratum plus*.

Погребения ямной культуры отличаются по сложности погребальных конструкций (одно- или двухчастное сооружение, его размеры, наличие кургана над могилой и т.д.). Относительное разнообразие предметов инвентаря в могилах ямной культуры, по всей видимости, говорит в пользу существования эгалитарного общества. В то же время, количество и разнообразие погребального инвентаря увеличивается в период катакомбной культуры, особенно в ингульской культуре. Тем не менее, доказательства присутствия конных воинов в обеих культурах по-прежнему отсутствуют.

Keywords: Northern Pontic Region, Yamnaya Culture, Catacomb Culture, burial rite, social structure.

Cuvinte cheie: Nordul regiunii Pontice, cultura lamnaia, cultura catacombilor, ritul funerar, structura socială.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, ямная культура, катакомбная культура, погребальный обряд, социальная структура.

Введение: Тезисы о всадниках и мобильных скотоводах

«Курганы были окружены каменными кольцами или рвами. Захоронения были бедными, за исключением важных персон, как правило, мужчин, которые были снабжены молоточковидной булавкой из кости или меди, круглой медной пластиной, спиралевидным височным кольцом или серьгой из меди или серебра, бусами или ожерельями из медных проволочных пронизей и собачьих зубов, кремневыми наконечниками стрел, медными узкочереновыми кинжалами (мышьяковистая медь), медными шильями, иногда плоскими медными топорами и кремневыми кинжалами или ножами. В курганах в изобилии встречались остатки очагов, следы огня, а также жертвоприношения людей и животных».

Gimbutas 1979: 256—257¹

«При рассмотрении военного потенциала населения степи в эпоху энеолита и ранней бронзы мы должны отметить полное отсутствие каких-либо признаков воинственного духа кочевников в погребальном обряде. Первые наборы оружия (лук, связка стрел и боевой топор, сопровождаемые деталями повозки) появляются только в средней бронзе».

Rassamakin 1999: 154

Культуры медного и бронзового веков степного пояса Восточной Европы были соотнесены, в первую очередь М. Гимбутас, с процессом распространения индоевропейцев. В этом процессе исследовательница выделяла три или четыре волны военных миграций, начиная с раннего медного века и вплоть до периода ранней бронзы, в течение которых вторгнувшиеся в Карпато-Балканский регион

конные орды из степного пояса испепелили и уничтожили культуру местных оседлых земледельцев (Гимбутас 1979). Последняя волна была связана с носителями ямных культурных традиций. Выводы М. Гимбутас о военной миграции представителей степных культур в значительной степени основываются на присутствии многочисленных ямных захоронений в Карпато-Балканском регионе, а также на заметных культурных изменениях в Юго-Восточной и Центральной Европе, но не на военном снаряжении в составе погребального инвентаря. Напротив, автор отмечает, как указано выше, бедность захоронений ямной культуры. Некоторые характерные предметы, как сообщается, сопровождают мужчин, однако их социальный статус в работах М. Гимбутас четко не оговаривается.

В 60-е годы XX века в советских исследованиях оформилось представление о том, что в солончаковых степях бассейна Нижней Волги уже в период ямной культурно-исторической общности возникла особая форма скотоводства, основанная на круглогодичном мобильном образе жизни пастушеских групп (Шилов 1964). Эта точка зрения стала преобладающей, когда впоследствии на поселении Деревка (Украина), относимом к среднестоговской культуре позднего медного века, были найдены многочисленные кости лошадей. Считалось, что кости принадлежат домашней лошади, которая использовалась для верховой езды (Telegin 1986). С ее помощью открылась возможность контролировать более крупные стада, а также создались предпосылки для выгона скота на дальние расстояния. Одновременно нашел поддержку тезис о существовании воинственных степных всадников, и, в отличие от М. Гимбутас, некоторыми авторами были выявлены некие проявления воинского статуса в захоронениях медного века (напр., см. Telegin 1986: 109). Это, в свою очередь, подразумевало бы существование определенной социальной дифференциации в рассматриваемых культурах, в рамках кото-

¹ В этой цитате М. Гимбутас обрисовала погребения ямной культуры.

Таблица 1.

**Упрощенная хронологическая схема для III тыс. до н.э. в степной зоне
Восточной Европы между Прутом и Северским Донцом**

до н.э.	Северо-Западное Причерноморье	Регион между Днестром и Днестром	Северное Приазовье (Днепр и Северский Донец)
2250			
2500	Ингульская культура/ буджанская группа	Ингульская культура	Днепро-азовская культура / Ингульская культура
2750	Ямная культура	Ямная культура / Раннекатакомбная культура	Ямная культура / Раннекатакомбная культура
3000	Ямная культура	Ямная культура	Ямная культура

рой в составе общин выделялись, по крайней мере, представители воинской прослойки. В то же время, при анализе погребений данного периода Ю. Я. Рассмакин приходит к уже упомянутому выводу, что, по крайней мере, в погребальном обряде энеолитических культур отсутствуют какие-либо свидетельства о существовании институционализированных воинских групп, и этот вывод в равной степени относится к захоронениям ямной культуры. Автор достаточно ясно высказывается против наличия четко оформленного военного потенциала в пределах энеолитических культур восточноевропейских степей, но считает, что таковой можно распознать в следующей за ямной общностью катакомбной культуре.

Строго следуя классификации Е. Сервиса, в этой культуре уже могло существовать стратифицированное общество с наследственной лидерской позицией, сложившееся на основе традиций энеолитических и ямной культур, которые, в свою очередь, находились, по крайней мере, с точки зрения эволюционного подхода, на уровне сегментированного общества. Следовательно, при переходе от ямной к катакомбной культуре должны были произойти значительные социальные изменения. Но к этому аспекту мы еще вернемся ниже.

В русскоязычной литературе теоретические разработки по классификации социальной структуры преисторических обществ представлены достаточно хорошо.² За два последних десятилетия появились две монографии по социальным отношениям в ямной и катакомбной культурах, которые привле-

каются и в настоящей работе (Пустовалов 1992; Иванова 2001). Помимо того, были опубликованы многочисленные статьи по отдельным аспектам социального устройства, посвященные вопросам определенной профессиональной специализации, отраженной в погребальном обряде, или особым предметам погребального инвентаря, к примеру, повозкам. Прежде чем перейти к реконструкции социальной структуры в III тыс. до н. э., необходимо кратко рассмотреть хозяйственные отношения в Северном Причерноморье в этот период.

**Система жизнеобеспечения
в ямной и катакомбной
культурах**

В III тыс. до н. э. на территории между Карпатами и Уралом размещались две культурные общности, которые в начале XX века по особенностям погребальных конструкций были обозначены В. А. Городцовым как ямная и катакомбная культуры. Начало северо-причерноморского варианта ямной культуры принято относить к концу IV века до н. э., а завершение его развития — к 2500/2400 годам до н. э. (табл. 1). Сооружение катакомбных погребений раннего этапа на основе новых калиброванных дат началось в XXVIII в. до н. э. (Govedarica et al. 2006). С середины III тыс. до н. э. на территории между Днестром и Прутом за раннекатакомбной и позднеямной культурой следует ингульская культура, которая продолжается до 2000/1900 гг. до н. э. Ее развитие завершается с появлением культуры многоваликовой керамики, или культуры Бабино.

² См. введение в работе С. Ивановой с приведенной там литературой (Иванова 2001: 8—17).

Представленные здесь хронологические границы для обеих культур, несмотря на их несколько упрощенный характер, все же кажутся вполне приемлемыми для настоящего обзора и позволяют избежать детального рассмотрения данного вопроса (табл. 1). В той же мере, не имеет смысла подробно останавливаться на многочисленных региональных вариантах ямной и катакомбной культурно-исторических общностей. Основное внимание будет сконцентрировано на территориях Северного и Северо-Западного Причерноморья.

Что касается вопроса о системе жизнеобеспечения, во введении уже отмечалось, что с шестидесятых годов прошлого века преобладала точка зрения, что население обеих культур вело кочевой образ жизни. Хотя эти представления за последние десятилетия существенно видоизменились, однако почти полное отсутствие поселений является основанием для многих исследователей предполагать, что жизнеобеспечение населения базировалось, главным образом, на скотоводстве и в гораздо меньшей степени на земледелии, если таковое вообще имелось.³ Вместе с тем, основания для подобного вывода во многом связаны с недостаточным уровнем исследований.

Поселения этого времени имеются, но кроме широко известного памятника Михайловка на Нижнем Днепре со средним и верхним слоями ямной культуры (Лагодовська и др. 1962; Коробкова, Шапошникова 2005), они изучены весьма незначительно. Многие из последних исследований этой категории памятников основываются на поверхностном осмотре; раскапывались также отдельные небольшие поселения, однако при этом практически никогда не применялись современные методы поселенческой археологии, и даже стандартные исследования по палеоботанике и археозоологии проводились редко или недостаточно (Morales Muñiz, Antipina 2003).⁴ Поселения с тонким культурным слоем в основном определяются как сезонные стоянки, другие причины незначительной толщины культурного слоя принимаются во внимание лишь изредка.

³ См. состояние исследований в Buniatyan 2003.

⁴ Оба автора демонстрируют довольно критическое отношение к состоянию археозоологических исследований для поселений позднебронзовой срубной культуры в восточноевропейских степях. Относительно более ранних культур уровень критики еще более возрастает, поскольку здесь определялось только процентное соотношение между дикими и домашними животными, если такие определения вообще выполнялись.

Другие аспекты хозяйственной деятельности для III тыс. до н. э. рассматриваются лишь частично. К примеру, это касается металлургии, которая в течение десятилетий исследовалась в Москве Е. Н. Черных при помощи спектрального анализа. Согласно мнению исследователя, в конце IV тыс. до н. э. произошли значительные изменения в использовании сырья, поскольку в этот период медь лишь в небольшом количестве продолжала поступать с Балкан, тогда как в основном стало использоваться сырье из кавказских месторождений (Chernykh 1992: 143—148). Вместо чистой меди стали широко использоваться мышьяковистые сплавы, прежде всего, для изготовления массивных инструментов. Связанное с этим мнение, что северо-причерноморские металлические изделия преимущественно представлены импортами или, по крайней мере, выполнены по кавказским образцам и из кавказского сырья, долгое время считалось неопровержимым, что давало возможность постулировать тесные обменные отношения между степным и кавказским населением. Отчасти кавказские культуры служили даже в качестве хронологического репера для расположенных северо-западнее степных культурных объединений, хотя первые известны и исследованы значительно хуже вторых. Л. А. Черных не так давно выдвинула многочисленные аргументы против такого рода построений и уверенно привела довольно много свидетельств существования самостоятельной металлообработки в ареале ямной и катакомбной культур, хотя состояние исследований еще не позволяет привести достаточное число доказательств в пользу использования местных рудных залежей Северного Причерноморья (Chernykh L. 2003).

Этих кратких комментариев вполне достаточно, чтобы показать, что еще многие аспекты в развитии ямной и катакомбной культур являются малоизученными. Поселения представляют собой большой исследовательский пробел, практически не привнося какие-либо данные для реконструкции хозяйственной деятельности общественных структур III тыс. до н. э. В захоронениях иногда встречаются кости животных, однако их подбор в погребальном контексте обусловлен какими-то ритуальными нормами и адекватно не отражает специфику скотоводческого хозяйства. Свидетельства обменных отношений также прослеживаются слабо, принимая во внимание упоминавшиеся сомнения относительно циркумпонтийской металлургической провинции с сырьевой базой на Кавказе, как это трактуется Е. Н. Черных. При современном

Рис. 1. Карта Северного Причерноморья в районе проведения раскопок между Орджоникидзе и Чкалово.

состоянии исследований на какие-то обменные операции указывают только сырье, готовые изделия и/или полуфабрикаты, однако что именно в качестве продуктов обмена поступало из степной зоны на Кавказ, остается предметом не более чем отвлеченных дискуссий.

Реконструкция социальной структуры ямной культуры

Таким образом, для социально-исторических интерпретаций в нашем распоряжении остаются исключительно погребальные комплексы исследуемых культур. В отношении ямной культуры многоопытный Н. Я. Мерперт еще в 1978 г. подчеркивал, что практически отсутствуют данные о конкретной структуре их племенных объединений, как он их обозначал (Мерперт 1978: 62). Правда, на основе общих наблюдений, таких как концентрация ямных курганов в небольших определенных ареалах, заселение в этот период практически всей европейской части степного пояса, очень однообразный погребальный обряд, высокие грунтовые насыпи над захоронениями и т. п., исследователь делает вывод о наличии крупных племенных объединений, состоявших из подвижного скотоводческого населе-

ния. Н. Я. Мерперт был также убежден в том, что скотоводческая экспансия в Западное Причерноморье имела агрессивный и наступательный характер, но, с другой стороны, в отличие от некоторых других авторов, он выступал против трактовки этих событий как широкомасштабных нашествий в виде последовательных волн, что более соответствует эпохе средневековья (Мерперт 1978: 58).

На основе курганных могильников на р. Ингул, восточном притоке Южного Буга, Н. Д. Довженко и Н. А. Рычков попытались провести классификацию всех погребальных конструкций ямной культуры (Довженко, Рычков 1988). При этом они рассчитали объем могильных ям, соотнесли эти показатели с другими параметрами, такими как центральное или периферийное расположение погребения, наличие курганной насыпи и т. д. При помощи различных статистических методов им удалось разделить 98 проанализированных комплексов на три группы, которые, по их убеждению, отражают общественную структуру из трех классов наподобие той, что описана в Ригведе.

Хотя такие прямые параллели кажутся более чем сомнительными, все же использование величины могильной ямы в качестве критерия

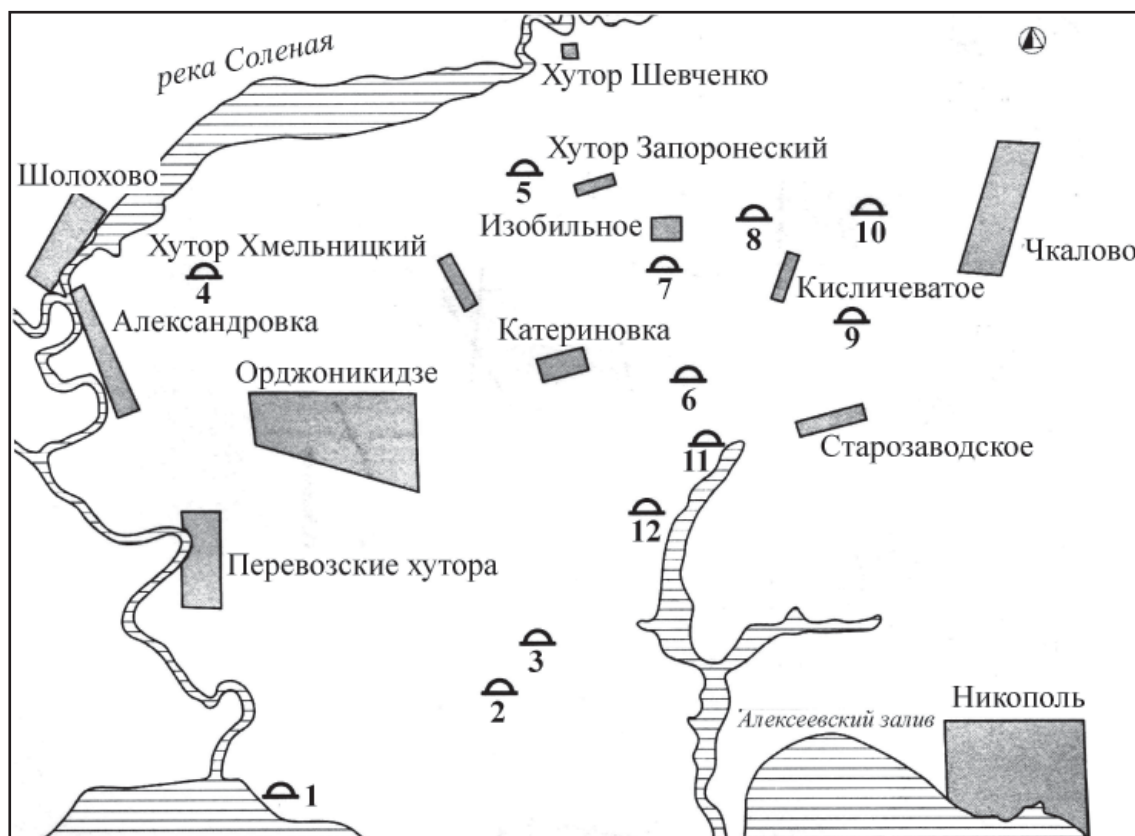

Рис. 2. Курганные группы между Орджоникидзе и Чкалово.

трудовых затрат по отношению к погребенному выглядит вполне оправданным. Ямные погребения исключительно бедны с точки зрения инвентаря и в остальном довольно единообразны, как это уже отмечал Н. Я. Мерперт. Как продемонстрировал С. Шпренгер для средневропейского раннего бронзового века, совокупность определенных критериев в состоянии отразить баланс социальных характеристик индивида, погребенного в соответствующей могиле (Sprenger 1999: 11). Из числа этих критериев для ямной культуры наиболее важным можно признать особенности погребальных конструкций, которые по сложности устройства позволяют рассчитать трудовые затраты на их сооружение.

В 45 курганах, раскопанных в 1979—1992 гг. между Орджоникидзе и Чкалово, к северу от Каховского водохранилища (Южная Украина) (рис. 1; 2), были открыты около 200 ямных и более 130 катакомбных погребений (Bunjatjan u. a. 2006: 144, Abb. 1). По ряду причин они представляют собой подходящую базу данных для исследования социальной структуры культурных объединений III тыс. до н. э., основанного на признаках погребального обряда.

1. Курганные группы расположены в одном микрорегионе, что позволяет их совокупный

анализ. Курганы, сооружавшиеся на протяжении нескольких этапов и объединенные в группы, могут представлять собой могильник отдельной общины. Анализ погребального обряда и инвентаря продемонстрировал — по крайней мере, для культур бронзового века — определенное сходство захоронений рассматриваемого региона. Это позволяет сделать вывод об определенном единообразии погребальных обычаев, которые отличают одни области от других.

2. Ямные и катакомбные погребения должны анализироваться в составе одних и тех же могильников с целью выявления различий между этими культурами.

3. 197 достоверно определимых погребений ямной культуры и почти 130 погребений катакомбной культуры составляют вполне достаточную базу данных для анализа.

Среди комплексов ямной культуры⁵ преобладают индивидуальные погребения, и в 15 случаях были выявлены парные захоронения. Десять других комплексов на основе стандартно оформленной могильной ямы,

⁵ Детальное описание курганных могильников и связанных с ними комплексов см. в Bunjatjan u. a. 2006.

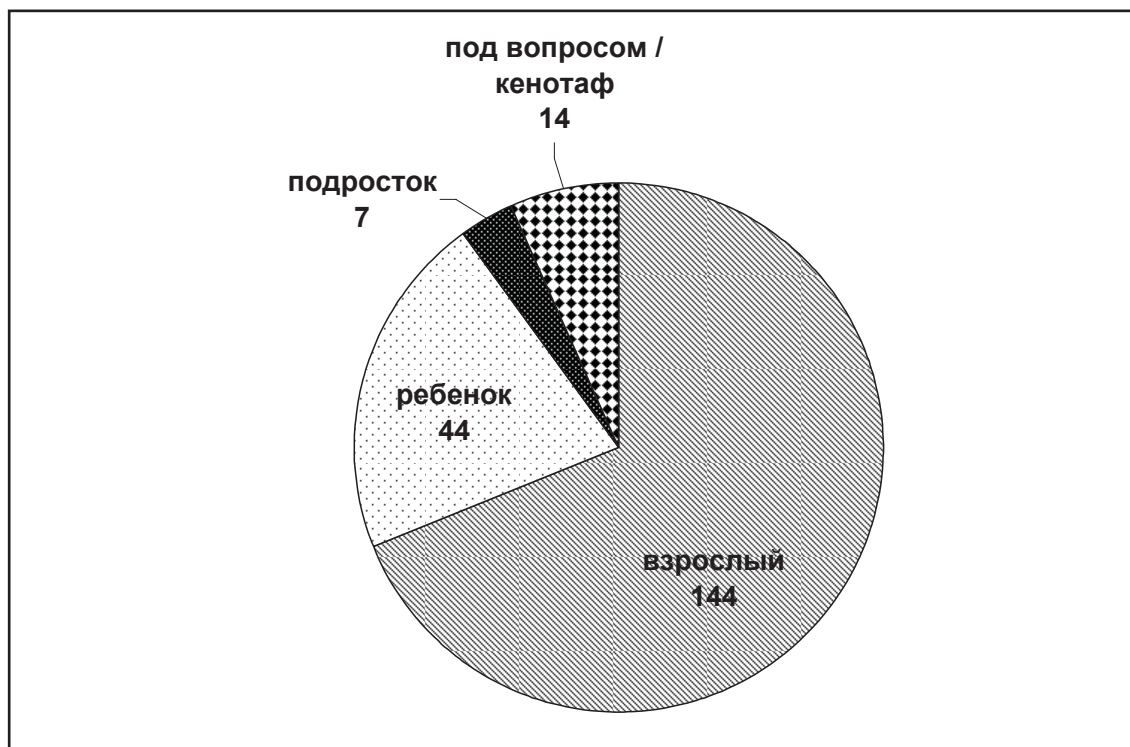

Рис. 3. Возрастное распределение в погребениях ямной культуры в курганных группах между Орджоникидзе и Чкалово на основе археологических определений (n = 209).

наличие инвентаря, а также определенного устройства могилы могут быть отнесены к категории кенотафов. Еще в пяти могилах были обнаружены отдельные, очень плохо сохранившиеся человеческие кости, которые могут интерпретироваться как остатки обычного погребения.

Антропологические определения по рассматриваемым курганным могильникам не опубликованы. В отдельных случаях авторами раскопок приводятся половые определения для взрослых индивидов, наряду с этим, на основе археологических данных, указывается, идет ли речь о взрослых или малолетних индивидах (рис. 3). Приведенное здесь соотношение соответствует, с незначительными отклонениями, аналогичным показателям в других локальных подразделениях ямной культурно-исторической общности и указывает на дефицит малолетних. Половые определения на других курганных могильниках подтверждают среднее соотношение мужчин и женщин 2:1, что, видимо, свидетельствует о выборочном захоронении только части населения ямной культуры, главным образом, взрослых мужчин.

В размещении скелетов, одном из самых важных признаков погребального обряда, преобладает скорченное положение на спине (44%). Практически равные доли, соответственно около одной четверти, прихо-

дятся на положение на левом и правом боку (Nikolova 2006: 17, Diagr. 3).⁶ Долгое время преобладало мнение, что скорченное положение на спине хронологически является более ранним признаком, тогда как в более поздних ямных погребениях стало практиковаться скорченное положение на боку. Вместе с тем, засвидетельствованы стратиграфические ситуации, которые не подтверждают эту последовательность, в силу чего было выдвинуто предположение, что отличия в положении погребенных отражают существование различных этнических групп в пределах ямной культурно-исторической области (ср. Иванова 2001: 48).

Как уже указывалось, погребальный инвентарь содержится только в небольшом количестве комплексов. В то же время, погребальное сооружение присутствует в большинстве случаев, представляя собой комплекс, в котором можно различить несколько элементов:

- Одно- и двухчастное сооружение, состоящее из верхней впускной ямы и вырытой в ее центре собственно могильной камеры, по краям которой остаются уступы.

⁶ Кроме погребений с положением скелетов скорченно на боку или спине, были обнаружены захоронения, в которых кости располагались не в анатомическом порядке, а представляли собой неупорядоченное скопление.

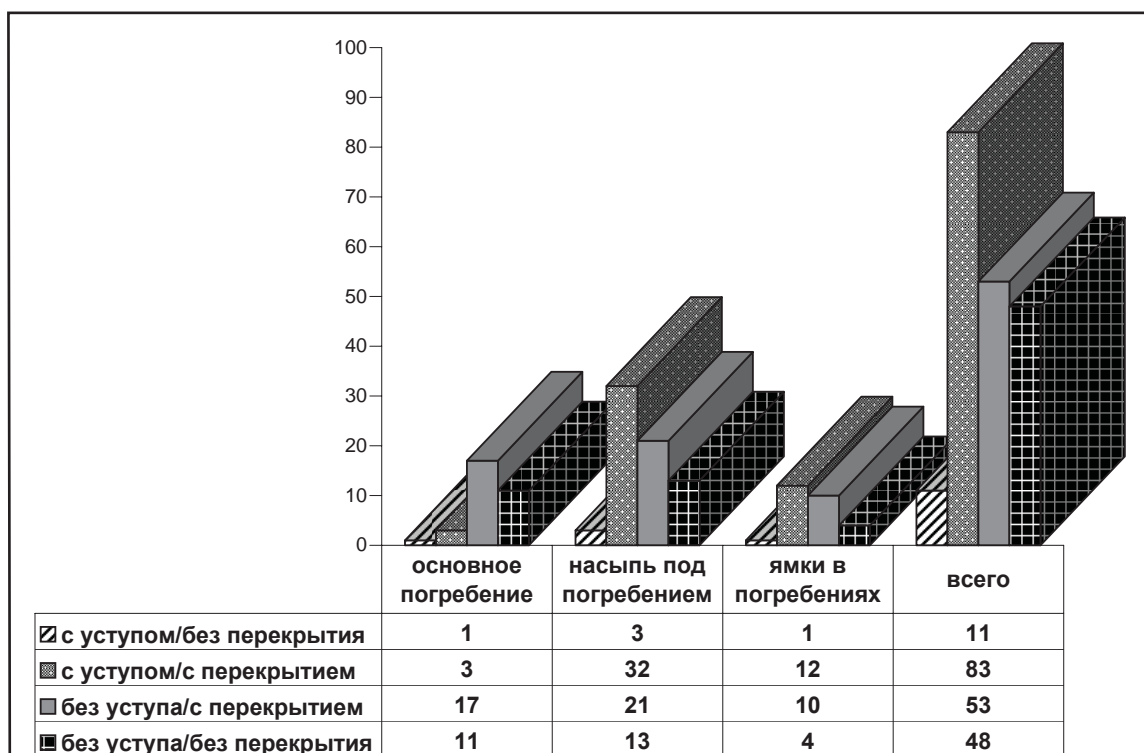

Рис. 4. Корреляция определенных признаков могильных конструкций и одно- и двухчастных погребений ямной культуры (n = 195).

- Размеры сооружения, причем двухчастная конструкция из-за наличия впускной ямы значительно больше, чем простая могильная камера.

- Перекрытие могильной ямы деревянными балками, каменными плитами и/или тростником.

- Перекрытие погребального сооружения земляной насыпью, или курганом.

- Наличие вертикально установленных столбиков.

101 могильный комплекс представлен простыми могильными ямами, чаще всего прямоугольной формы (рис. 4). Примерно столько же, точнее, 94 комплекса, имеют по верхнему периметру могильной ямы боковой уступ, образующий с ней двухчастное сооружение. Могильные ямы часто перекрывались деревянными балками, каменными блоками и/или камышовыми циновками; для двухчастных сооружений это является почти нормой. Для ямной культуры выявлено 31 основное погребение, тогда как большая часть относится к категории впускных комплексов (рис. 4). Только четыре основных погребения состоят из двух частей. Возможно, сооружение основного погребения с уступом диктовалось какими-то устоявшимися ритуальными представлениями, поскольку с практической точки зрения в этом не было особой необходимости: ямы для основных погребений в большинстве слу-

чаев выкапывались в плотном грунте с уровня древней дневной поверхности, тогда как впускные погребения сооружались в рыхлом насыпном грунте кургана.

Зависимость размеров впускной ямы от высоты кургана была установлена различными исследователями. Вследствие этого, чем выше была уже существующая курганная насыпь, тем больших размеров должна была достигать впускная яма, чтобы обеспечить прочность стен (Nikolova 2006: 16). Если следовать этим рассуждениям, кажется вполне возможным, что для впускных погребений могли сознательно выбираться крупные курганы, особенно в том случае, когда преследовалась цель задействовать наибольшие трудовые затраты на сооружение этих погребений.

Для классификации вторичных курганных досыпок какие-либо критерии не выделяются (рис. 4). 35 впускных погребений с простыми ямами были перекрыты грунтовой насыпью, лишь ненамного больше, чем двухчастные сооружения. Основные погребения всегда перекрывались курганной насыпью, что опять-таки требовало более высоких затрат энергии.

Столбовые конструкции в погребениях встречаются относительно редко и, очевидно, связаны с перекрытием, которое поддерживалось столбиками (рис. 4). Немногочисленные комплексы с ямками от столбиков, но без перекрытия, являются свидетельством того, что

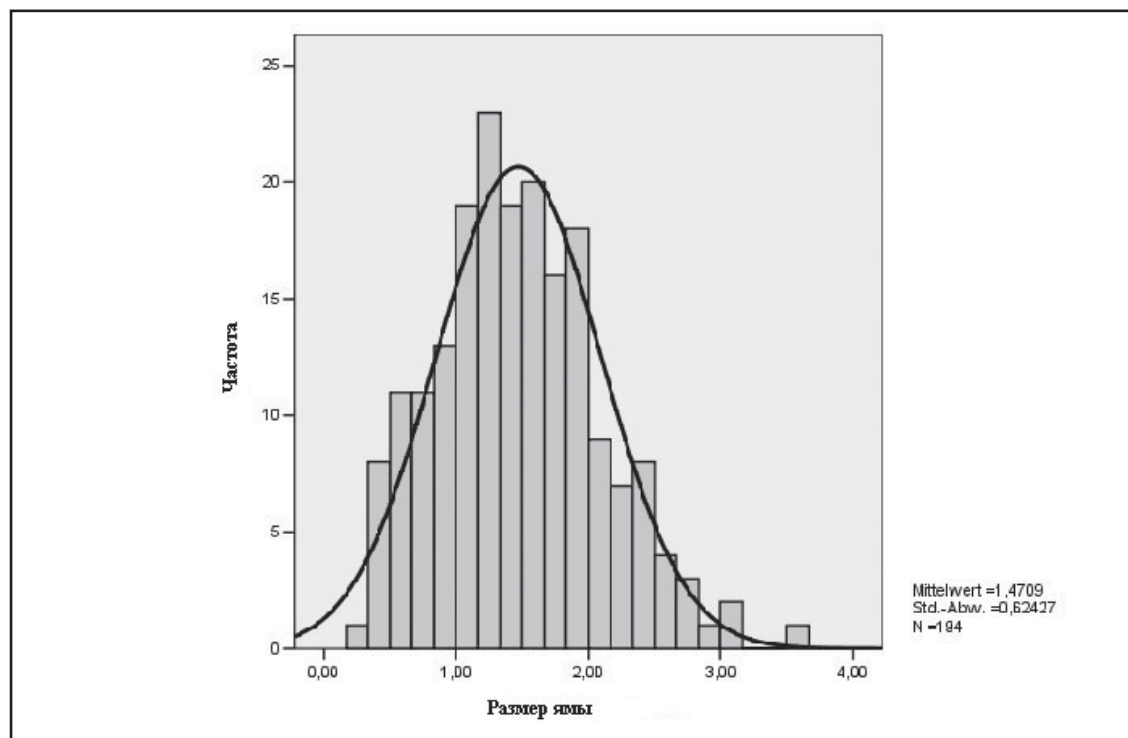

Рис. 5. Гистограмма размеров площади могильных камер ямной культуры (n= 195; по вертикали — число погребений; по горизонтали — размеры площади).

яма могла покрываться непрочным органическим материалом, например, тростником.

Вследствие того, что не всегда приводятся точные данные о глубине погребальных сооружений, особенно для впускных ям двухчастных конструкций, их размеры оцениваются только по основанию. Гистограмма — данные относятся к собственно могильной яме, у двухчастных сооружений к нижней части — показывает нормальное распределение от маленьких к большим могильным ямам (рис. 5). Размеры сооружений, очевидно, обусловлены возрастом погребенных индивидов, так как только одно детское погребение отличается более крупными размерами по отношению к средней величине 1,47 м² (рис. 6). Это погребение 2 из кургана 5 группы Чередникова Могила, в котором отсутствует инвентарь (Vunjatjan u. a. 2006: 90, Abb. 42: 3). Парные захоронения в основном также размещались в крупных сооружениях, которые соответствуют средней или значительно большей величине. В десяти парных захоронениях находился, по меньшей мере, один ребенок или юноша.

Выше было оговорено, что насыпи воздвигались в равной степени над одно- и двухчастными погребениями ямной культуры. Вместе с тем, при сопоставлении площади впускных ям двухчастных конструкций обнаруживается тенденция, согласно которой над особенно крупными сооружениями часто возводилась

отдельная курганная насыпь (рис. 7). Таким образом, размеры могильного сооружения, по-видимому, в значительной степени зависели от возраста погребенного, но существовали и другие факторы, которые могли привести к увеличению трудовых затрат на сооружение погребального комплекса.

Еще одним элементом погребений III тыс. до н. э. является оформление пространства погребальной камеры, к чему можно причислить устройство подстилки, на которую укладывали умершего, использование охры и наличие костей животных (рис. 8). Эти признаки отсутствовали лишь в 37 комплексах, тогда как почти половина погребений содержала подстилку, а в 122 могилах выявлена охра. Вместе с тем, в оформлении могильных комплексов отсутствуют явные доказательства далеко зашедшей социальной дифференциации, вследствие чего в дальнейшем исследовании этим показателям не уделяется особое внимание.

Шестьдесят пять процентов погребений ямной культуры не содержат какой-либо инвентарь. В тех комплексах, в которых имелся инвентарь, преобладает керамика, при этом только пятая часть погребений содержит по одному сосуду. Все категории погребального инвентаря из других материалов встречаются лишь в единичных случаях (рис. 9); предметы из кости подразделяются на украшения и орудия труда. Украшение из меди

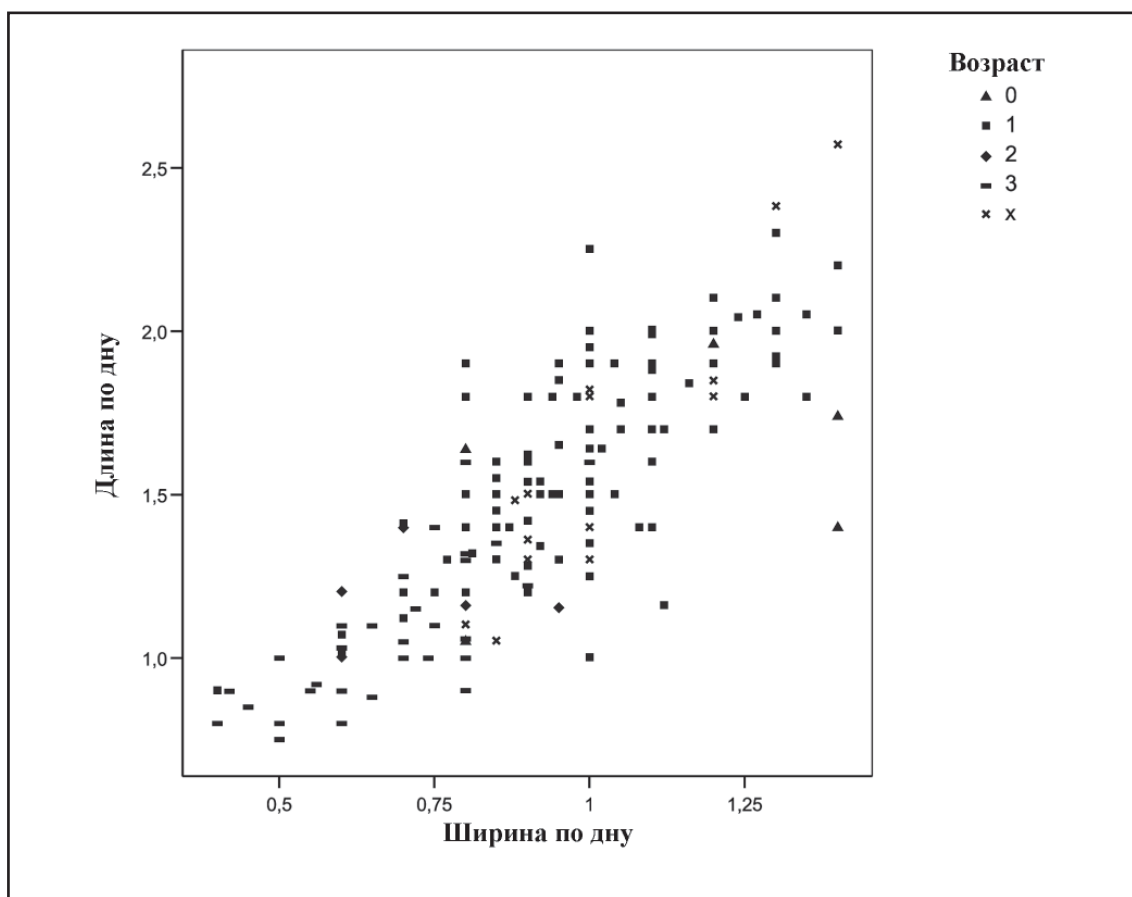

Рис. 6. Соотношение между размерами погребальных камер и возрастом погребенных в ямной культуре (n=195): 0 — возраст погребенного неизвестен или кенотаф, 1 — взрослый, 2 — юноша, 3 — ребенок, x — многократное захоронение.

обнаружено только в одном комплексе. В данных погребениях представлены характерные категории инвентаря, известные во всем регионе между южным Бугом и Днепром; к ним относятся костяные молоточковидные булавки, украшения из меди или пронизы из кости, кремневые отщепы, реже небольшие ножи или шилья из меди (Шапошникова 1985: 346—347, рис. 98).⁷

Две из пяти молоточковидных булавок находились в погребениях подростков, тогда как три другие булавки сопровождали погребения взрослых индивидов (Bunjatjan u. a. 2006: 181, Abb. 38: 3, 6; 209, Abb. 66: 1, 2, 4; 264, Abb. 121: 2, 7; 273, Abb. 130: 2, 3; 299, Abb. 156: 4—8). Более точным выводам препятствует отсутствие антропологических определений, поскольку определенные категории инвентаря не дифференцируются по половым признакам. В настоящее время продолжается дискуссия относительно того, что молоточковидные булавки являются атрибутами лишь взрослых

женщин или/или несовершеннолетних индивидов; к тому же, отсутствует единое мнение касательно их функциональной принадлежности. В силу того, что стержень булавок в основном является относительно толстым, а конец часто притупленным, костяные экземпляры вряд ли могли служить в качестве заколок для одежды. С другой стороны, поскольку нередко эти изделия обнаруживаются вместе с костяными пронизями, просверленными клыками и т. п., их можно, вероятно, рассматривать как часть ожерелья.

В равной степени остается неясным, являются ли небольшие ножи исключительно принадлежностью мужских погребений. В рассматриваемых курганных могильниках были обнаружены только два таких ножа.⁸ Еще одно медное орудие представлено долотом с деревянной рукояткой (Bunjatjan u. a. 2006: 184, Abb. 41: 2, 3). Наряду с этим, в погребении 6 кургана 7 в группе Завадские Могилы была обнаружена медная пластинка

⁷ О погребальном инвентаре в курганных могильниках у г. Орджоникидзе см. также в Nikolova 2006: 18—21.

⁸ Группа Завадские Могилы 7/30 (Bunjatjan u. a. 2006: 214, Abb. 71: 2, 5); группа Чкаловская I, 3/24 (Bunjatjan u. a. 2006: 264, Abb. 121: 1, 5).

№2. 2010

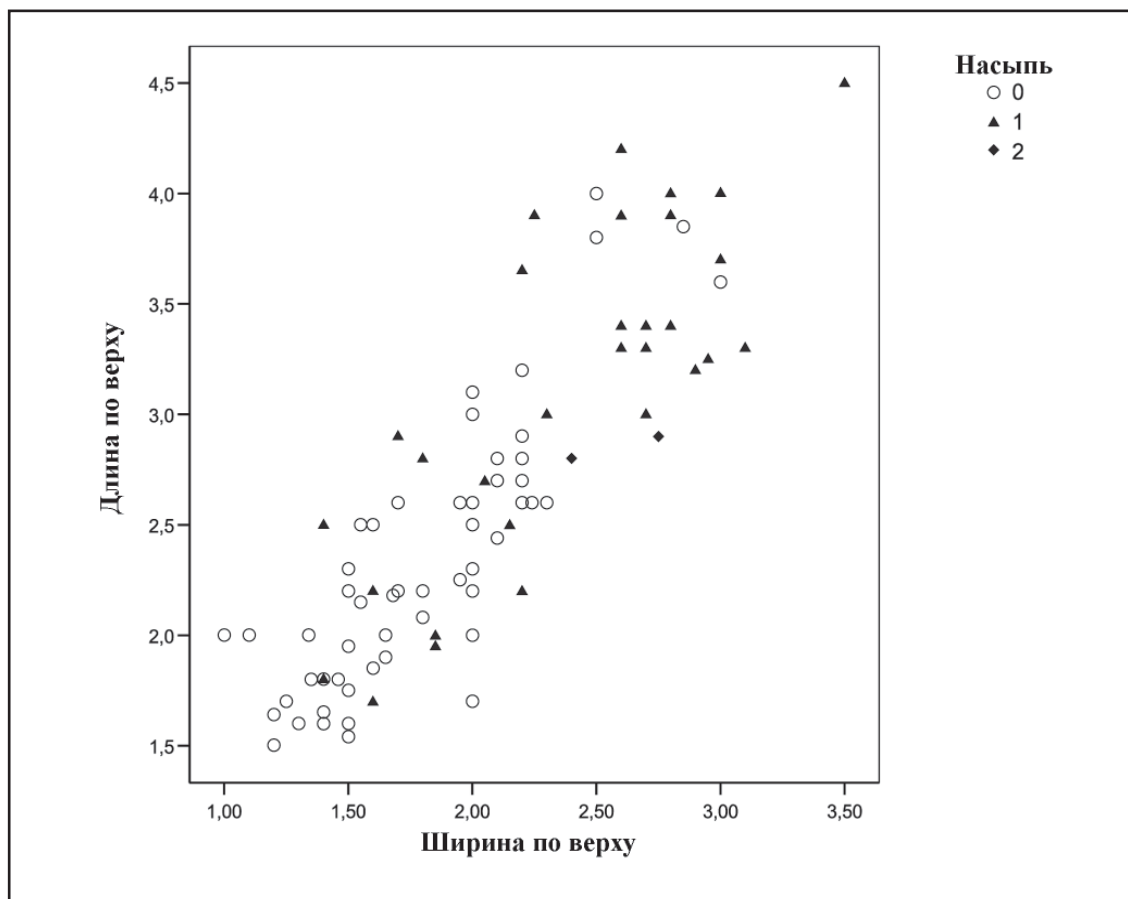

Рис. 7. Соотношение между размерами погребальных камер и характером курганной насыпи в ямной культуре (n=195): 0 — досыпка отсутствует; 1 — вторичная насыпь; 2 — локальные досыпки.

с иглой (Bunjatjan u. a. 2006: 209, Abb. 66: 1, 2, 4). Если сопоставить материал, из которого изготовлены предметы погребального инвентаря, и размеры могильных конструкций, можно опять-таки обнаружить определенную тенденцию (рис. 10). Интересно отметить, что все изделия из мышьяковистой бронзы были открыты в крупных могильных сооружениях. Только одна небольшая могильная яма, которая размещается на левом нижнем окончании графика, содержала детский скелет со спиралевидной височной подвеской из серебра, которая является единственной находкой такого рода на рассматриваемых могильниках. В то же время, аналогичные предметы, как мы увидим дальше, относительно часто встречаются в ямных погребениях других регионов. Каменные и кремневые артефакты (последние в основном представлены отщепами) также встречаются в крупных могильных сооружениях. Данная тенденция проявляется еще очевиднее, если учитывать только двухчастные могильные ямы и оценивать их размеры. Погребения с костяными изделиями и керамикой известны здесь заметно реже и также попадают в небольших могильных ямах.

В дополнение ко всему следует отметить, что взаимозависимость между количеством погребального инвентаря и размерами могильной ямы фактически не прослеживается.

На основе приведенных выше наблюдений можно заключить, что главным индикатором социальной позиции погребенного выступает, прежде всего, могильная конструкция и трудовые затраты на ее сооружение. Более крупные сооружения чаще перекрывались дополнительными насыпями, что означало еще больший уровень израсходованной энергии для соответствующего социума. Можно также отметить, что во многих случаях размеры могильных ям определялись возрастом умерших. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в целом вполне представительная база данных, состоящая из 200 ямных комплексов в могильниках между Орджоникидзе и Чкалово, все же не вполне достаточна, чтобы выявить устойчивую тенденцию в корреляции между затратами энергии на сооружение погребений и другими признаками погребального обряда.

Для сравнения можно привлечь данные из монографии С. В. Ивановой, в которой учтено более 2100 погребальных комплек-

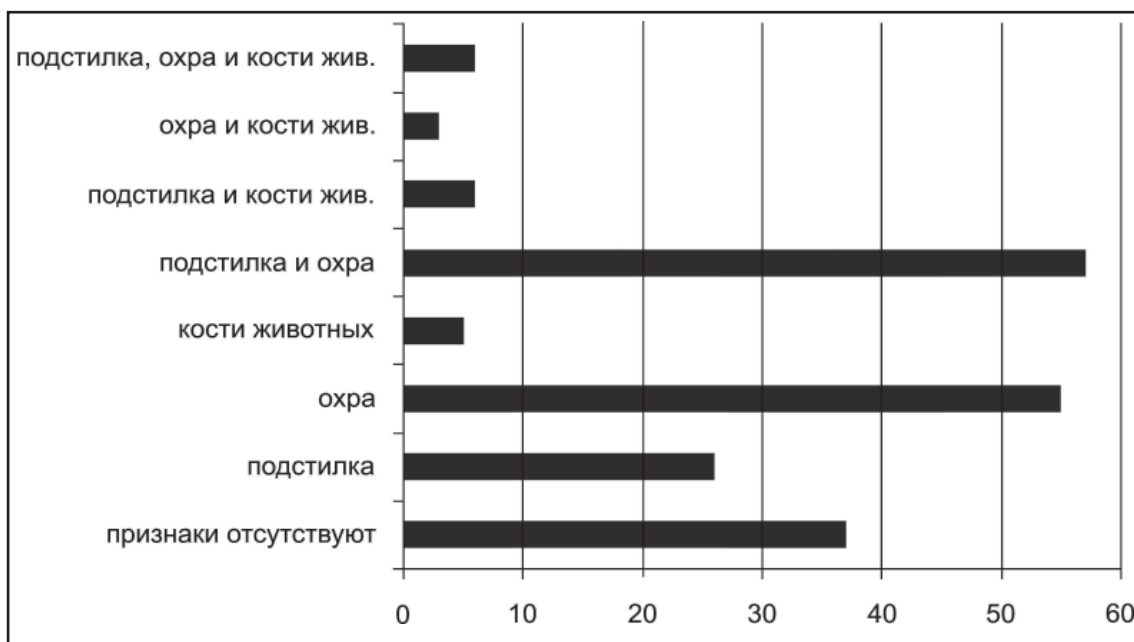

Рис. 8. Распределение различных признаков в оформлении погребальных камер в ямной культуре (n = 195).

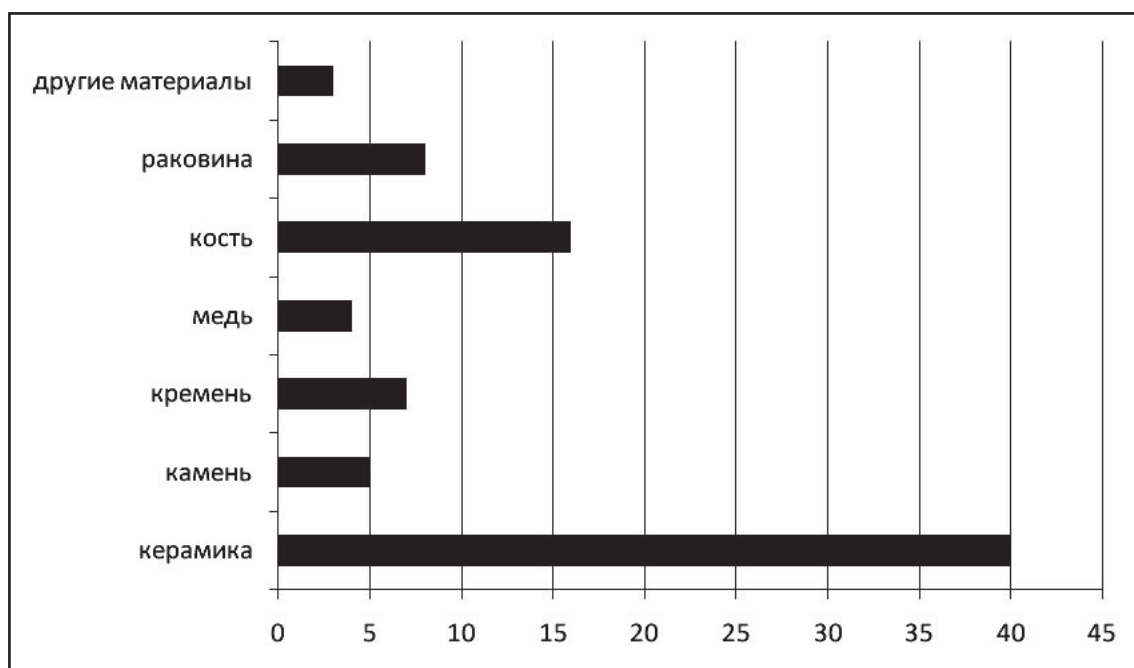

Рис. 9. Распределение предметов инвентаря из различных материалов в погребениях ямной культуры (n = 195).

сов Северо-Западного Причерноморья, при этом для одной седьмой части погребений приводятся антропологические определения (Иванова 2001: 26, 123). В широком смысле работа Ивановой подкупает своей методологической ясностью, даже если в каком-то отношении она и придерживается определенных исследовательских традиций. Так, повозки и шлифованные каменные топоры определяются как инсигнии власти, тогда как к оружию причисляются кремневые то-

поры. Небольшие ножи и шилья из мышьяковистой бронзы без каких-либо объяснений были отнесены к категории ритуальных орудий (Иванова 2001: гл. 3).

Примерно в 17% погребений ямной культуры между Прутом и Днестром был обнаружен некерамический инвентарь, что в точности соответствует данным по ямным захоронениям в курганах у г. Орджоникидзе. Погребальный инвентарь был разделен по категориям артефактов и соотнесен с конструк-

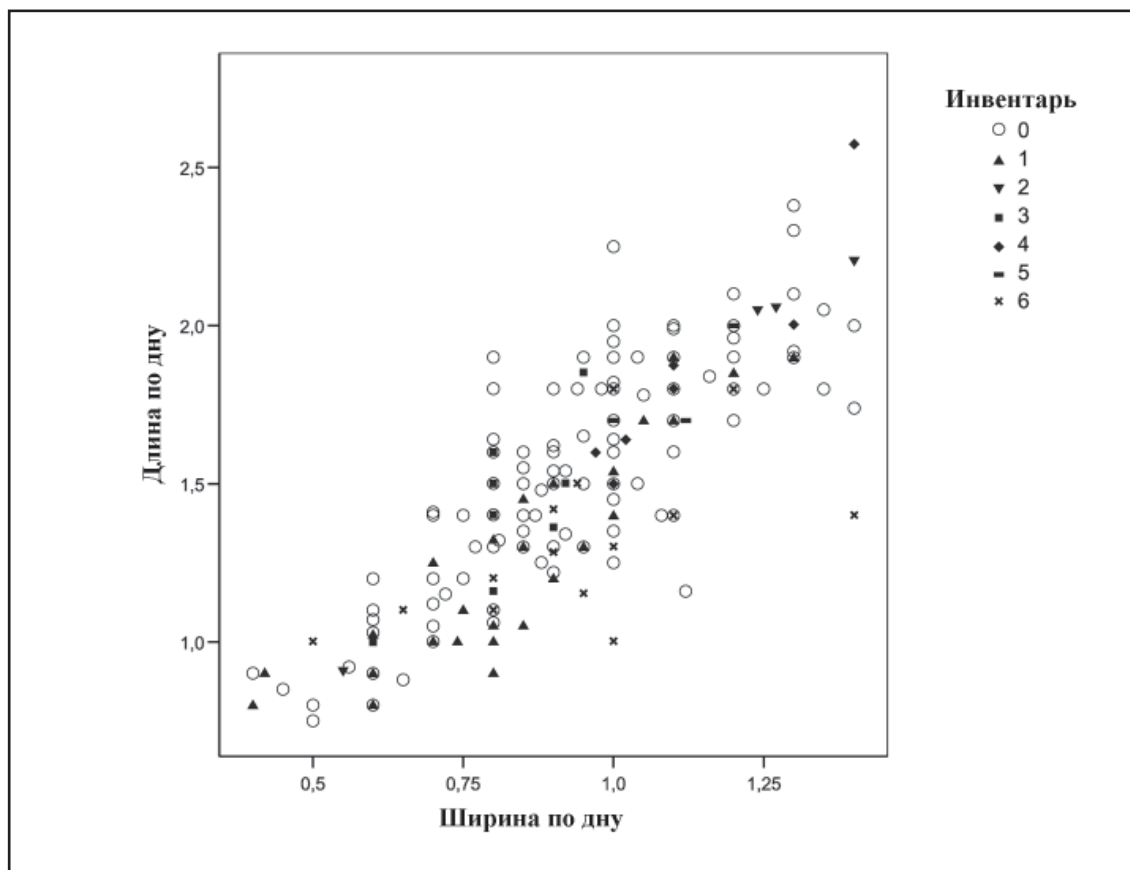

Рис. 10. Соотношение между размерами погребальных камер и предметами инвентаря из различных материалов в ямной культуре (n=195): 0 — инвентарь отсутствует, 1 — керамика, 2 — металл, 3 — кость, 4 — камень/кремнь, 5 — раковина, 6 — другие материалы.

циями и размерами могильных комплексов. Посредством последующего анализа была обнаружена, в общем-то, не вызывающая сомнений взаимосвязь между возрастом и полом погребенных, инвентарем и соответствующими трудовыми затратами на сооружение погребений. Значительная выборка проанализированных погребений позволила также установить зависимость размеров погребальных сооружений от половозрастных различий, а также их соотношение со столбовыми конструкциями, которые присутствуют почти исключительно в мужских погребениях. Почти все артефакты также обнаружены в мужских погребениях, в силу чего их инвентарь является более разнообразным; исключение составляют лишь предметы украшения и кремневые отщепы. Орудия труда почти полностью отсутствуют в женских могилах. Даже право на погребение в большей степени распространялось на мужчин: на 161 мужских захоронений приходятся лишь 74 женские могилы (Иванова 2001: 123 и сл., рис. 27—30).

В итоге С. В. Иванова делает попытку построить на аналитических результатах различные тернарные социальные модели. Автор

интерпретирует могилы индивидов с повозками или каменными топорами как усыпальницы членов узкой лидерской прослойки, за которой следует некий аристократический слой, состоявший из служителей культа и ремесленников. При этом приблизительно 80% составляют погребения, которые не содержат какие-либо диагностирующие признаки. Проведенный анализ обнаруживает зависимость распределения предметов инвентаря от половозрастной дифференциации и в дальнейшем подтверждает, что трудовые затраты на сооружение погребения были весьма различными и зависели не только от возраста умершего, но и от других факторов. Однако разнообразие погребального инвентаря затрудняет или делает практически невозможным выявление этих факторов.

По нашему мнению, собственно говоря, только комплексы с повозками могут быть убедительно интерпретированы как захоронения персон с особым социальным статусом, хотя они также отличаются по форме и устройству (Цимиданов, Иванова 1993; Kaiser 2007). В 18 ямных погребениях Северо-Западного Причерноморья повозки помеща-

Таблица 2.

Оформление и инвентарь погребений с повозками ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье

Памятник/ погребение	Инвентарь	Размеры камеры (2,2–4,5 м ²)	Двухчаст- ные кон- струкции	Особое оформление
Тараклия 10/19	1 сосуд, 4 височных кольца (сер.), 1 нож (медь), 1 шило (медь), 3 костяных бусины	+	+	подушка из органического материала, 1 циновка, 10 столбовых ямок
Яски 1/18	2 височных кольца (сер.), 2 каменных орудия	+	+	-
Курчи 20/16	2 височных кольца (сер.)	+	+	-
Тараклия 18/10	2 височных кольца, 2 сосуда	детское погребение	+	отдельная насыпь
Яски 2/2	1 нож (медь)	+	+	сложное перекрытие посыпано песком
Никольское 7/33	33 кремневых отщепа	+	+	отдельная насыпь, двойное дер. перекрытие, циновка, дер. носилки, 2 столбовые ямки
Петрешть 3/9	1 кремневый скребок	+	+	8 столбовых ямок
Этулия 1/14	1 сосуд, кости животных	+	+	отдельная насыпь; 2 циновки
Холмское 2/17	1 сосуд	+	+	-
Холмское 1/7	кожаный мешок, костяной предмет	+	первичное	отдельная насыпь; каменный панцирь
Балабаны 13/13	-	младенец	+	-
Богатое 1/6	-	младенец	-	слой коры в качестве перекрытия
Маяки 5/5	-	+	+	тростниковые циновки на стенах
Тараклия 10/18	-	+	+	сложное деревянное перекрытие, погребенный лежит на деревянной конструкции, 4 столбовых ямки
Новоселица 19/16	-	+	-	меловая посыпка, столбовые ямки
Вишневое 19/16	-	+	-	посыпка мелом, 4 столбовые ямки
Холмское 2/10	-	+	-	пепел и обожженное дерево на уступе, мел и тростник
Сэрэтенъ 1/4	-	+	-	-

№2. 2010

лись преимущественно на уступе, при этом могли депонироваться как цельные конструкции, так и отдельные элементы (*pars pro toto*), часто в виде сплошных дисковидных колес. Почти все 18 погребений с повозками представляют собой двухчастные сооружения довольно крупных размеров. Только четыре таких погребения перекрывались курганной насыпью (табл. 2). Вместе с тем, многие захоронения выделяются особым оформлением, куда входило покрытие стен растительными циновками, размещение особой подушечки из органического материала под головой усопшего, установка столбовых конструкций и т. п. В десяти могилах содержался и другой инвентарь, в составе которого чаще всего встречались спиральные серебряные кольца. В целом, в ямных погребениях Северо-Западного Причерноморья они более многочисленны, чем, например, на Нижнем Днепре, где в курганах у г. Орджоникидзе было обнаружено только одно детское погребение с аналогичным кольцом. Однако и здесь подобные изделия не относятся к наиболее распространенной категории инвентаря. В рассматриваемом регионе из пятнадцати погребений с небольшими ножами только два сопровождалась повозками. Таким образом, обнаруживается вполне очевидная тенденция, согласно которой погребения с повозками или их деталями выделяются по более сложному оформлению комплексов. Вместе с тем, строго выдержанные каноны в оформлении могил и распределении погребального инвентаря здесь не прослеживаются.

Какие выводы о социальной структуре ямных племен можно сделать на основе рассмотренных свидетельств? Согласно имеющимся данным, можно предположить, что повозки, помещенные в могилы, принадлежали умершим, чей прижизненный социальный статус в обществе к настоящему времени еще не определен достаточно однозначно. В ямной культуре Северного Причерноморья комплексы с повозками составляют менее 1%. В то же время, в новотиторовской культуре в бассейне Кубани, которая в значительной части синхронна поздней фазе ямной культуры, повозка или ее составные элементы встречаются в каждом четвертом захоронении взрослого индивида (Гей 1991: 66). На основе немногих глиняных моделей повозок мы знаем, что, по крайней мере, одна часть повозки с четырьмя дисковидными колесами несла какую-то конструкцию из органического материала (Конь и всадник 2003: 12, рис. 8). Не вызывает сомнений, что повозка выполняла определенные функции в повседневной жизни носите-

лей новотиторовских и ямных культурных традиций. Однако их хозяйственный уклад изучен недостаточно, поэтому более детальные объяснения вряд ли возможны. Вместе с тем, степь очень подходит для экстенсивного скотоводства, при котором запряженная волами повозка могла перевозить на большие расстояния основные предметы домашнего обихода, а также некоторые пищевые продукты, что позволяло эффективно использовать отдаленные пастбища. Использование таких пастбищ предоставляло определенное преимущество, позволявшее отдельным скотоводческим группам значительно увеличить размер стада и в силу этого повысить свой социальный престиж в соответствующем обществе.

Очерченная здесь картина основывается на выводах П. Богуцкого относительно преимуществ тягловой силы животных для развития земледелия в преисторических обществах (Bogucki 1993). Аналогичные выводы можно в равной степени отнести к обществам, чья система жизнеобеспечения в значительной мере зиждется на скотоводстве. Разумеется, здесь не может быть и речи о полностью кочевом образе жизни, основанном исключительно на скотоводстве, так как для этого периода известны поселения, хотя они еще мало изучены.

Предположим, что предложенная интерпретация новотиторовской культуры на Кубани соответствует действительности. Но как тогда объяснить сокращение погребений с повозками в ареале ямной культуры на территории Северного Причерноморья? Только в Северо-Западном Причерноморье на более чем 2100 комплексов ямной культуры приходится 18 погребений с повозками, соответствующих периоду протяженностью в 500—600 лет. В силу этого, привлекая элементарные арифметические подсчеты, вряд ли можно предположить, что на одно поколение во всем регионе приходился лишь один индивид с особым социальным статусом, чье захоронение отмечалось при помощи повозки или ее составных частей, даже если допустить наличие таких погребений в еще не исследованных курганах. Но даже если согласиться с этими расчетами, предстанет ли перед нами реальная картина эгалитарного общества, в котором каждому поколению соответствует лишь один лидер, выделяющийся особенно высоким рангом и престижем?

Исходя из вышесказанного видно, что бедные инвентарем погребения ямной культуры не дают достаточных оснований для интерпретации социальных отношений в рассматриваемый период, особенно из-за частого

отсутствия антропологических определений. Возможно, существовали религиозные или другие идеологические мотивы, которые обусловили весьма умеренное использование предметов погребального инвентаря. В отдельных случаях допускалось особое оформление погребальных комплексов, однако здесь вряд ли существовали какие-то строгие правила. С другой стороны, график нормального распределения размеров могильных ям в зависимости от возраста умершего, скорее всего, демонстрирует прагматический подход по отношению к трудовым затратам на сооружение погребений. Точно так же, в тех случаях, когда некоторые индивиды после смерти заслуживали какое-то особое обращение, отличавшееся от общих правил, значительная вариативность погребений, не соответствующих принятым «нормам», не позволяет установить причины этих отклонений.

Реконструкция социальной структуры катакомбной культуры

Если, как утверждает Ю. Я. Рассамкин в приведенной выше цитате, в погребальном обряде ямной культуры признаки социальной дифференциации выражены, по меньшей мере, не очень явно, тогда не удивительно, что здесь трудно распознать захоронения воинов. Ситуация изменяется, по его мнению, в катакомбной культуре, где обнаруживаются погребения индивидов, экипированных луками со стрелами и боевыми топорами. Учитывая хронологическое соотношение ямной и катакомбной культур, погребальный обряд в степной зоне должен был измениться, самое позднее, с середины III тыс. до н. э.

Если мы опять вернемся к курганной группе между населенными пунктами Чкалово и Орджоникидзе (рис. 1), то не обнаружим здесь значительных изменений в погребальном обряде катакомбной культуры по сравнению с предшествующими погребениями ямной культуры. Здесь нет необходимости детально останавливаться на захоронениях более ранней фазы, которые отличаются скорченным положением скелетов, прямоугольными могильными сооружениями и специфическим погребальным инвентарем, то есть совокупностью признаков, характерных для позднеямной культуры (ср. Kaiser 2006a: 39—43). Большую часть комплексов составляют могильные сооружения с округлым входным колодцем и боковой овальной камерой, в которой погребен индивид в вытянутом положении на спине. Подобные погребения

принято относить к ингульской катакомбной культуре, занимавшей Нижнее Поднепровье и территории к западу от него (Братченко, Шапошников 1985).

Если попытаться исследовать катакомбные могильные сооружения, по аналогии с ямной культурой, с точки зрения трудовых затрат, многие из критериев сразу же отпадут. Так, форма могильных конструкций, как выше указывалось, зависит от хронологической позиции комплексов. Захоронения катакомбной культуры в рассматриваемом регионе не являлись в курганах первичными, а также не перекрывались дополнительными насыпями. Проход из шахты в камеру иногда был закрыт деревянными щитами или каменными плитами, однако эта черта наиболее характерна для комплексов ранней фазы. В силу этих обстоятельств наиболее существенным критерием, связанным не только с хронологическими различиями, является размер могильных сооружений. Поскольку входной колодец-шахта полностью сохраняется довольно редко, расчеты выполнялись только по площади погребальной камеры (рис. 11). Как явствует из диаграммы, как и в ямной культуре, при сооружении могильных комплексов катакомбной культуры учитывался возраст погребенного.

В целом возрастает количество инвентарных погребений, достигая 53% от всех открытых комплексов, при этом по-прежнему в составе инвентаря преобладает керамика. Только в 21% погребений содержатся артефакты из других материалов (рис. 12). Номенклатура изделий в целом соответствует той, что присуща предшествующей культуре, при этом несколько чаще встречаются каменные орудия. Так, например, в двух захоронениях были обнаружены каменные топоры. Артефакты, изготовленные из меди, в данных курганных могильниках попадают редко, только в одном богатом захоронении в группе «Шахта № 22», на котором мы ниже остановимся более детально, были обнаружены два металлических предмета. При этом определенную роль играют региональные условия. В районе к северу от Каховского водохранилища, где расположены рассматриваемые курганы, предметы из мышьяковистой бронзы в катакомбах обнаруживаются достаточно редко, тогда как, к примеру, к западу от этой территории, вдоль рек Ингул и Ингулец, они встречаются несколько чаще (Kaiser 2003: Karte 18).

Если почти 200 захоронений ямной культуры представляют собой довольно ограниченную базу данных для аналитической обработки, то 112 катакомбных погребений

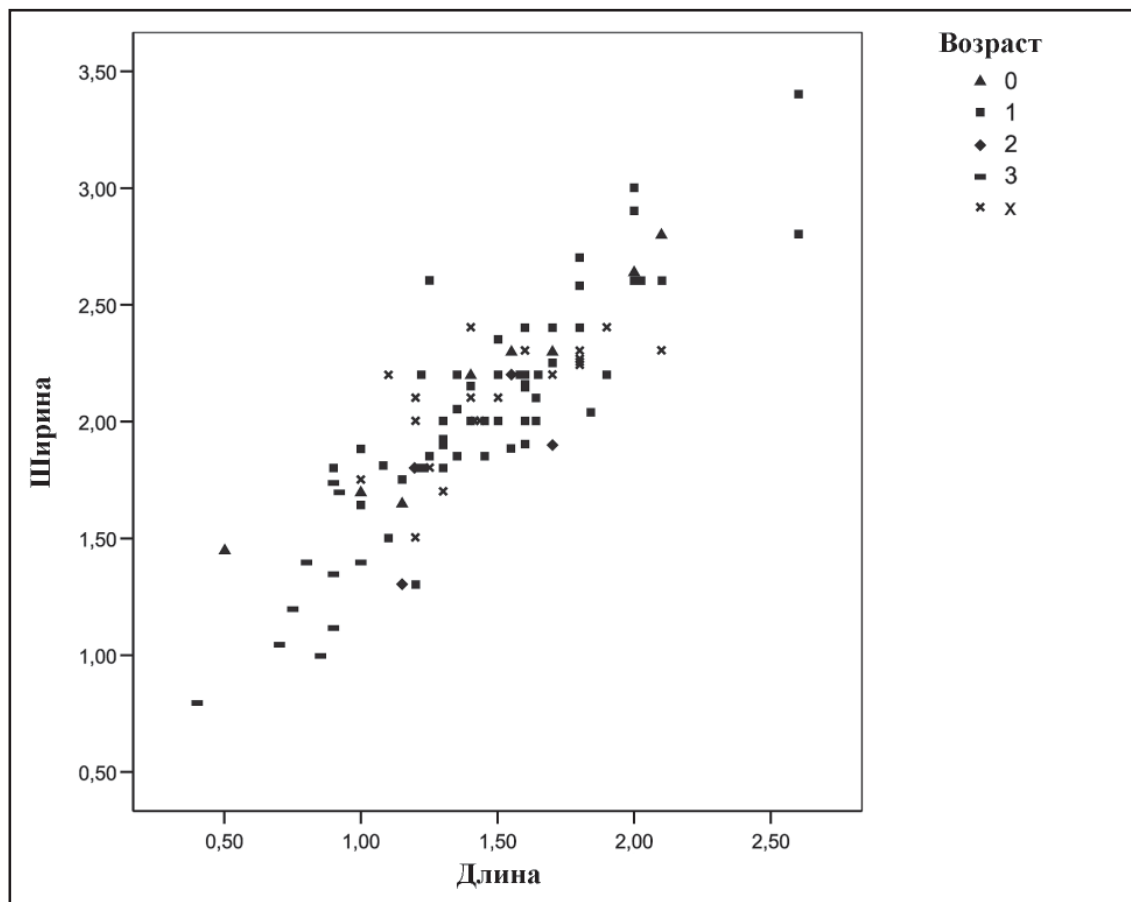

Рис. 11. Соотношение между размерами погребальных камер и возрастом погребенных в ингульской культуре в курганах между Орджоникидзе и Чкалово (n=112): 0 — возраст умершего неизвестен или кенотаф, 1 — взрослый, 2 — подросток, 3 — ребенок, x — многократное захоронение.

развитой фазы культуры являются еще менее репрезентативной выборкой для интерпретации социальных отношений, тем более, в силу региональных условий, количество инвентаря в исследуемых курганных могильниках, за исключением керамики, также выглядит довольно незначительным.

Для того, чтобы в дальнейшем обеспечить аргументацию количественными данными, сравним процентные показатели, представленные С. В. Ивановой на основе 2156 погребений ямной культуры Северо-Западного Причерноморья, с процентными показателями, базирующимися на 1047 катакомбных захоронениях западной части ареала между Днепром и Прутом, которые были рассмотрены в моей более ранней работе.

В 67 погребениях ямной культуры были обнаружены спиралевидные кольца, главным образом, из серебра, располагавшиеся в основном в области головы умершего. В развитой фазе культуры из катакомбных погребений почти полностью исчезают ожерелья из костяных или медных пронизей, просверленных клыков, иногда с молоточковидными

булавками, а также другие украшения и аксессуары костюма (Kaiser 2003: 209—219). В комплексах ингульской культуры в Северном Причерноморье также отсутствуют повозки, единственным исключением при этом является дисковидное колесо, которым был закрыт вход в камеру одного из погребений (Kaiser 2007: 132—134, Abb. 3). Как указывалось выше, в ямной культуре обнаруживается большее число элементов, составлявших погребальное сооружение. Такое разнообразие, как ранее отмечалось, в ингульской культуре отсутствует.

Вместе с тем, теперь в катакомбах появляются, хотя и не всегда, ранее неизвестные или прежде мало используемые предметы погребального инвентаря, и их доля заметно возрастает. Это особенно хорошо заметно на примере каменных топоров, которые выявлены почти в одном проценте ямных захоронений, с одной стороны, и в семи процентах катакомбных комплексов — с другой (Kaiser 2003: Abb. 66—68), при этом в последних они очень тщательно обработаны. Погребения с топорами часто содержат и другие артефак-

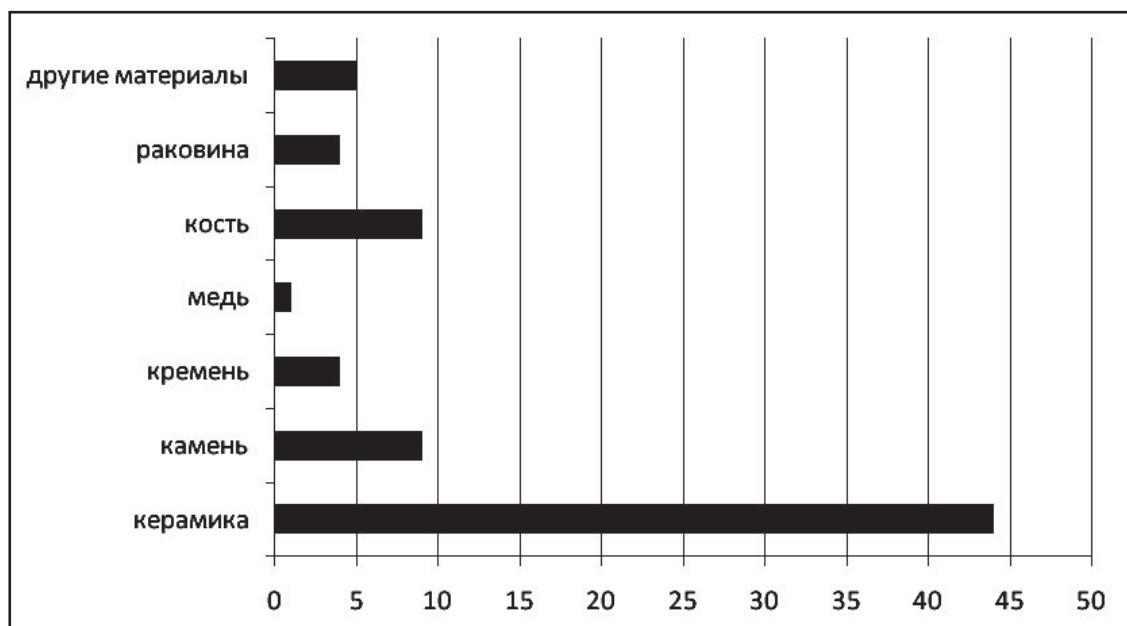

Рис.12. Распределение предметов инвентаря из различных материалов в катакомбной культуре (n=76).

ты, в основном также изготовленные из камня и кремня. Соответственно засвидетельствованы также захоронения с другими каменными изделиями, функционально не связанными с категорией оружия и снабженные другими предметами на среднем уровне (Kaiser 2003: Tab. 14—20). С. В. Иванова смогла выявить в Северо-Западном Причерноморье лишь одно погребение ямной культуры с навершием булавы, тогда как аналогичные предметы вооружения присутствуют в 26 катакомбных захоронениях, правда, начиная с ранней фазы этой культуры (Иванова 2001: 80; Kaiser 2003: 192 f.).

Увеличивается количество погребений с ножами из мышьяковистой бронзы приблизительно с 0,7% до 1,4%, практически удваиваясь. Сходным образом, в более поздней культуре в погребениях чаще встречаются медные шилья. Помимо того, доля наконечников стрел в катакомбах увеличивается до 2,8% (ранее они были представлены в 1,1% захоронений ямной культуры).⁹ С целью выявления различий между двумя культурами необходимо определить особенности их погребального инвентаря, а также проследить изменения в оформлении погребальных сооружений. Действительно, бросается в глаза рост количества каменных топоров в катакомбных

погребениях, но они, в сущности, являются лишь единственным воинским атрибутом из перечисленных Ю. Я. Рассмакиным признаков. Хотя наконечники стрел стали чаще использоваться в качестве погребального инвентаря, однако вряд ли на основании такого незначительного процентного показателя можно всерьез допускать наличие институционализированной воинской прослойки в катакомбной культуре. В катакомбных захоронениях Северного Причерноморья повозки исчезают, за исключением упомянутых реликтов в отдельных погребениях. Двухколесная повозка из Марьевки на юге Украины была реконструирована как предшественница боевой колесницы (Чердиченко, Пустовалов 1991), и в такой трактовке вошла в археологическую литературу. Вместе с тем, выполненная авторами реконструкция выглядит неубедительной, да и наличие дисковидных колес также говорит не в ее пользу. В то же время, само погребение датируется ранней фазой катакомбной культуры; какие-либо аналогичные находки, относящиеся к развитой фазе культуры, то есть к ингульской культуре, в этом регионе отсутствуют.

В целом обнаруживается, что катакомбные погребения отличались почти таким же скромным инвентарем и таким же низким уровнем регламентации, как и погребальные комплексы предшествующей культуры. Каким-то признаком социальной идентификации, в частности, могли служить каменные топоры, нередко очень тщательно обработанные, которые обнаружены в 7% захоронений.

⁹ Здесь учтены все захоронения, в которых встречаются наконечники стрел, несмотря на замечание С. В. Ивановой, что единичные наконечники стрел в захоронении могли являться не частью инвентаря, а оружием, которым индивид был убит (Иванова 2001: 83).

№2. 2010

Вместе с тем, они никогда не встречаются в одном комплексе с навершиями булав, при этом оба вида артефактов, однако, вполне часто сочетаются с другими каменными, кремневыми и медными изделиями. Разумеется, топор или булава представляют собой оружие, которым можно было нанести серьезный урон противнику. Вместе с тем, они никогда не составляли в погребении какой-либо ансамбль с другими предметами вооружения, который мог бы трактоваться в качестве экипировки воина (Kaiser 2003: 206—209). Скорее, здесь можно предположить существование неких индивидов, которые при жизни достигли высокого социального положения, вследствие чего и были снабжены соответствующими символами особого социального ранга.

Разнообразные каменные изделия происходят из единственного богатого катакомбного захоронения у г. Орджоникидзе. Данное захоронение № 3 кургана 3 группы «Шахта № 22» также представляет собой единственный первичный подкурганый комплекс катакомбной культуры, где погребенный был размещен в скорченном положении (Vunjatjan и. а. 2006: 198, Abb. 55). Захоронение содержит сосуд, соотносящийся по форме с посудой культуры многоваликовой керамики, которая в Северном Причерноморье следует за катакомбной культурой, и тем самым маркирует заключительную фазу ингульской культуры. Данное погребение является единственным комплексом в рассматриваемых курганных могильниках, которое расположено на хронологическом стыке двух культур. В этом отношении указанное погребение в дальнейшем будет представлять для нас особый интерес, поскольку оно ведет нас к комплексам, которые по составу инвентаря определяются как так называемые захоронения ремесленников.

Погребения мастеров в катакомбной культуре

К этой категории относятся катакомбные захоронения с многочисленными и разнообразными кремневыми, каменными и костяными изделиями, выявленные в Северном Причерноморье по обе стороны Днепра. Для них были предложены различные интерпретации. Судя по наличию кремневого сырья и отходов, в погребениях содержится материал и инструментарий специалистов, занятых изготовлением кремневых орудий.¹⁰ Тогда как для обработки кремня кажется весьма спорным

существование ярко выраженной специализации, такие работы могли выполняться любым индивидом без особой подготовки, то в области металлообработки, по крайней мере, в ее развитой фазе, высокий уровень профессионализма был абсолютно необходим (Strahm 1994: 2—4). Вследствие этого комплексы с тиглями, глиняными соплами, литейными формами и/или льячками обычно интерпретируются как захоронения металлургов. Самые ранние находки такого рода появляются уже в конце медного века, в ямной и раннекатакомбной культурах. Однако относительно часто они начинают встречаться в развитой фазе катакомбной культуры, практически по всему ее ареалу (Kaiser 2005). Разумеется, частота их встречаемости в сравнении с другими культурными объединениями является относительной величиной: среди более чем 1000 проанализированных катакомбных погребений между Днепром и Прутом были обнаружены только пять комплексов с принадлежностями литейщиков. Этот необычный инвентарь был частично опубликован, поэтому для всей изучаемой территории можно было привлечь 12 катакомб, включая комплексы других катакомбных культур к востоку от ингульской культуры (Kaiser 2005: 270 f., Abb. 2; 276 Abb. 7). Данные погребения довольно часто могут быть снабжены каменными, кремневыми и костяными орудиями, но могут также содержать единичный литейный тигель как отдельное дополнение к погребальному инвентарю.

Социальная интерпретация этих захоронений затруднена в силу отсутствия четкой регламентации погребального инвентаря или других характерных параметров. Обладали ли эти люди в обществе, представленном катакомбной культурой, настолько высоким рангом, что это нашло отражение в неординарном погребальном инвентаре, или, возможно, за этим скрываются какие-то иные причины? Может ли здесь идти речь о ремесленниках, находившихся на чужбине, которые обслуживали различные группы катакомбной культуры и умерли вдали от родины? Они могли быть похоронены по местному обряду, но при этом в могилу был помещен весь комплект или большая часть инструментов, которые не рассматривались как собственность приютившей ремесленника общины. Не находились ли эти ремесленники, возможно, на периферии, а не на вершине общества?

Захоронения ремесленников или специалистов встречаются уже в ямной культуре, и в течение III тыс. до н. э. их количество значительно увеличивается. Согласно выводам Е. Н. Черных, в ямной культуре уже было на-

¹⁰ К этому ср. Kaiser 2003: 201—205 с приведенной там литературой.

лажено производство изделий из мышьяковистых сплавов. По определению К. Штрама, ямная культура, как и катакомбная, могут быть отнесены к так называемой начальной фазе развития металлургии, когда еще не произошли те глубокие социально-культурные изменения, которые следовало бы ожидать в связи с прогрессом в сфере металлообработки (Strahm 1994: 5—8).

Однако с середины III тыс. до н. э. в погребальном обряде развитой катакомбной культуры наблюдаются определенные изменения, на что, например, указывает практика манипуляций со скелетом. С другой стороны, только на развитой стадии ингульской культуры в некоторых погребениях черепа после мацерации начали покрывать глинистой массой, которая наносилась на все лицо или закрывала только глазные впадины (Kaiser 2006b). Для этих же погребений, которые, правда, образуют регионально ограниченный кластер на левом берегу Днепра, вдоль реки Молочная, характерен весьма разнородный погребальный инвентарь. Помимо того, упомянутые манипуляции со скелетом поднимают еще одну проблему, поскольку конструкция катакомбы предполагает неоднократное посещение могильного комплекса до того момента, пока входной колодец не засыпан грунтом. К сожалению, мы не располагаем данными, было ли это устойчивым элементом погребального ритуала или в этом случае совершался обряд перезахоронения, по крайней мере, некоторые скелеты находятся не в анатомическом порядке. Нельзя исключить, что при повторном открытии могилы имевшийся погребальный инвентарь извлекался, что может негативно сказаться на оценке социальной организации общества, практиковавшего захоронения в катакомбах.

В своей работе по социальной и этнической структуре населения катакомбной культуры С. Ж. Пустовалов приходит к совершенно иным выводам, чем те, что представлены в настоящей статье (Пустовалов 1992; Pustovalov 1994: 88). С этой целью он исследовал более 1200 катакомбных захоронений в степной зоне современной Украины. На основе своего анализа, автор реконструирует сложную хозяйственную систему этого периода, в которой он рассматривает описанные выше погребения с моделированными черепами, свидетельствами специализированного ремесла и повозками как захоронения знати («nobility») (Pustovalov 1994: 127 f.). При этом С. Ж. Пустовалов отрицает хронологические различия между ранними и поздними катакомбными захоронениями, синхронизирует и те, и другие с позднейшей

культурой и из этих трех компонентов конструирует раннегосударственную социальную структуру (Telegin et al. 2003: 151—184). В этой структуре носители ингульской культуры, по его мнению, занимали руководящие позиции, реализуя функции административного, религиозного и военного управления (Pustovalov 1994: 128—134). То, что эти предположения мало обоснованы, хотя они и повторяются С. Ж. Пустоваловым уже во многих публикациях, недвусмысленно подтверждается изложенными выше доводами. К тому же, они с полным основанием были также раскритикованы в других работах украинских исследователей (Николова, Черних 1997).

Заключение

Подводя итог ранее изложенным соображениям, можно предположить, что погребальный обряд ямной культуры в действительности отражает эгалитарную организацию общества. Размеры погребальной ямы зависят от возраста умершего, т. е. от длины тела, при этом погребальный инвентарь, как правило, достаточно беден. Только привлекая результаты исследований С. В. Ивановой, в которых задействовано большое количество погребений из Северо-Западного Причерноморья, причем треть из них имеют антропологические определения, можно охарактеризовать тенденции, которые обнаружились при анализе курганных могильников между населенными пунктами Орджоникидзе и Чкалово. Так, можно обнаружить определенные различия в трудовых затратах на сооружение погребений (двухчастная конструкция, размеры могильной ямы, грунтовая насыпь и т. д.). По-преимуществу, остается неясным, почему на индивидов, погребенных в этих могилах, было затрачено больше энергии, чем на других. Богатый и разнообразный погребальный инвентарь встречается лишь в единичных случаях, чаще всего у мужчин. Все же не исключено, что идеологически или религиозно обусловленные погребальные обычаи представляли собой искаженное отражение реальности. Против чисто эгалитарной социальной структуры в ямной культуре, прежде всего, свидетельствуют комплексы с повозками и их деталями. Высокий уровень трудовых затрат для их сооружения очевиден не только из-за присутствия повозок, но и ввиду крупных размеров погребальной конструкции, чаще всего двухчастной, а также из-за особого дополнительного оформления погребальной камеры и более часто встречающегося погребального инвентаря. Относительно погребений с повоз-

№2. 2010

ками было высказано осторожное предположение, что в них были погребены индивиды, которые, владея скотом и имея возможность использовать отдаленные пастбищные угодья и т. д., достигли в силу этого значительного социального положения, что и нашло отражение в соответствующем погребальном обряде.

В ранней фазе развития катакомбная культура характеризуется отношениями, сравнимыми с теми, которые преобладали и в ямной культуре; изменения прослеживаются на развитом этапе культуры, около середины III тыс. до н. э. При анализе погребальных конструкций остается существенным показателем трудовых затрат, отображаемый размерами погребальной камеры; последние полностью зависят от возраста умершего. Дополнительные затраты на могилу и/или на возведение кургана не установлены. В инвентаре присутствуют каменные топоры и наконечники булав, которые могут трактоваться как предметы особого статуса инновационного характера. Вариативность погребального обряда допускала включение других предметов погребального инвентаря, однако какие-либо строгие правила здесь отсутствовали. Такие различные комбинации инвентаря не позволяют вывести однозначное заключение относительно социального положения

погребенных. Тем не менее, в отличие от ямной культуры, здесь прослеживается более высокий уровень социальной градации. Погребальный обряд становится более сложным, поскольку обнаруживаются свидетельства посмертного обращения с трупом, при котором у некоторых индивидов проводилось моделирование черепа. Показательно, что такие погребения в составе инвентаря содержали топор или булаву (Kaiser 2003: 254 f., Tab. 29). В целом, эти комплексы интерпретируются как захоронения людей, имеющих более высокий статус, чем другие члены общества. В любом случае, цитируемый в начале статьи постулат Ю. Я. Рассмакина вряд ли соответствует действительности, поскольку до сих пор не обнаружены комбинации оружия из лука и стрел, топоров и телеги, как это было им описано. Повозки и их детали практически полностью исчезают в Северном Причерноморье в развитой фазе катакомбной культуры. Военственные всадники или кочевники также не обнаруживаются в этой культуре. Исключение в катакомбной культуре составляют погребения мастеров-литейщиков, которые указывают на существование в это время определенной ремесленной специализации, возможно, связанной с подвижным образом жизни.

Литература

- Братченко С. Н., Шапошникова О. Г. 1985. Катакомбная культурно-историческая общность. В: Телегин Д. Я. и др. (ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 403–420.
- Гей А. Н. 1991. Новотитаровская культура (предварительная характеристика). *СА* (1), 54–71.
- Довженко Н. Д., Рычков Н. А. 1988. К проблеме социальной стратификации племен ямной культурно-исторической общности. В: Шапошникова О. Г. и др. (ред.). *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*. Киев: Наукова думка, 27–40.
- Иванова С. В. 2001. *Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: Друк.
- Конь и всадник 2003. *Конь и всадник. Взгляд сквозь века*. Выставка 21.03.–29.09.2003 г. Москва: Государственный исторический музей, Государственный музей Востока.
- Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. 2005. *Поселение Михайловка – эталонный памятник древнейшей культуры*. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН.
- Лагодовська и др. 1962: Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л. 1962. *Михайлівське поселення*. Київ: АН Української РСР.
- Мерперт Н. Я. 1978. О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы. В: Кропоткин В. В., Матюшин Г. Н., Петерс Б. Г. (ред.). *Проблемы советской археологии*. Москва: Наука, 55–63.
- Ніколова А. В., Черних Л. А. 1997. До однієї з концепцій соціального розвитку носіїв катакомбної культури. *Археологія* (1), 107–119.
- Пустовалов С. Ж. 1992. *Возрастная, половая и социальная характеристика катакомбного населения Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж. 1991. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье). *СА* (4), 206–216.
- Шапошникова О. Г. 1985. Ямная культурно-историческая общность. В: Телегин Д. Я. и др. (ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 336–352.
- Шилов В. П. 1964. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. *АСГЭ* 6, 86–102.
- Bogucki P. 1993. Animal traction and household economies in Neolithic Europe. *Antiquity* 67, 492–503.
- Bunjatjan u.a. 2006: Bunjatjan K. P., Kaiser E., Nikolova A. V. 2006. *Bronzezeitliche Bestattungen aus dem unteren Dneprgebiet*. Schriften des Zentrums für Archäologie

- und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraums 8. Langenweisbach: Beier&Beran.
- Bunyatyay K.P. 2003. Correlations between Agriculture and Pastoralism in the Northern Pontic steppe Area. In: Levine M., Renfrew C., Boyle K. (eds). *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Cambridge: McDonald Institute, 269–286.
- Černych L. 2003. Spektralanalysen und Metallverarbeitung in den früh- und mittelbronzezeitlichen Kulturen der ukrainischen Steppe als Forschungsproblem. *Eurasia Antiqua* 9, 27–62.
- Chemnykh E.N. 1992. *Ancient metallurgy in the USSR*. Cambridge: University Press.
- Gimbutas M. 1979. The Three Waves of the Kurgan People into Old Europe, 4500–2500 B.C. In: Dexter M. R., Jones-Bley K. (eds). *M. Gimbutas, The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe. Selected articles from 1952 to 1993*. Journal of Indo-European Studies Monographs 18. Washington, D.C.: Institute for the Study of Man, 240–266. [Reprint of Archives Suisses d'anthropologie générale 43 (2), 1979, 113–137]
- Govedarica u.a. 2006: Govedarica B., Kaiser E., Rassamakin Ju. Ja., Samar V. A. 2006. Der Grabhügel „Tarasova Mogila“ bei der Stadt Orechov. Neue Angaben zur Periodisierung und Chronologie der äneolithischen und bronzezeitlichen Steppenulturen im Azovgebiet. *Eurasia Antiqua* 12, 63–112.
- Kaiser E. 2003. *Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut*. Archäologie in Eurasien 14. Mainz: von Zabern.
- Kaiser E. 2005. Frühbronzezeitliche Gräber von Metallhandwerkern mit Gußformen für Schaflochhäxte im osteuropäischen Steppenraum. In: Horejs B., Jung R., Kaiser E., Teržan B. (eds). *Interpretationsraum Bronzezeit. Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet*. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 121. Bonn: Habelt, 265–291.
- Kaiser E. 2006a. Die Bestattungen der Katakombengrabkultur. In: Bunjatjan u.a. 2006, 33–45.
- Kaiser 2006b. Plastered Skulls of the Catacomb Culture in the Northern Pontic Region. In: Bonogofsky M. (ed.). *Skull Collection, Modification and Decoration*. BAR S1539, 45–58.
- Kaiser E. 2007. Wagenbestattungen des 3. vorchristlichen Jahrtausends in der osteuropäischen Steppe. In: Blečić M., Črešnar M., Hänsel B., Hellmuth A., Kaiser E., Metzner-Nebelsick C. (eds). *Scripta Praehistorica in honorem Biba Teržan*. Situla 44. Ljubljana: Narodni Muzej Slovenije, 129–149.
- Morales Muñiz A., Antipina E. 2003. Srubnaya Faunas and Beyond: a Critical Assessment of the Archaeozoological Information from the East European Steppe. In: Levine M., Renfrew C., Boyle K. (eds). *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Cambridge: McDonald Institute, 329–351.
- Nikolova A. V. 2006. Die Bestattungen der Jamnaja-Kultur. In: Bunjatjan u.a. 2006, 13–32.
- Pustovalov S. Z. 1994. Economy and social organization of Northern Pontic Steppe – Forest-Steppe Pastoral Populations: 2750–2000 BC (Catacomb Culture). *BPS* 2, 86–134.
- Rassamakin Y. 1999. The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC. In: Levine M., Rassamakin Y., Kislenko A., Tatarintseva N. *Late prehistoric exploitation of the Eurasian Steppe*. Cambridge: McDonald Institute, 59–182.
- Sprenger S. 1999. *Zur Bedeutung des Grabraubes für sozioarchäologische Gräberfeldanalysen. Eine Untersuchung am frühbronzezeitlichen Gräberfeld Franzhausen I*. Fundberichte Österreich Materialhefte A 7. Horn: Berger.
- Strahm Ch. 1994. Die Anfänge der Metallurgie in Mitteleuropa. *Helvetica archaeologica* 25 (97), 2–39.
- Telegin D. Ya. 1986. *Dereivka. A settlement and cemetery of copper age horse keepers on the Middle Dnieper*. BAR International Series 287.
- Telegin D. Ya., Pustovalov S. Z., Kovalyukh N.N. 2003. Relative and absolute chronology of Yamnaya and Catacomb monuments. The Issue of co-existence. *BPS* 12, 132–184.

Статья поступила 18 февраля 2010 г.

Elke Kaiser (Berlin, Germany). Doctor. Free University of Berlin.

Elke Kaiser (Berlin, Germania). Doctor. Universitatea liberă din Berlin.

Кайзер Эльке (Берлин, Германия). Доктор. Свободный университет Берлина.

E-mail: ekaiser@zedan.fu-berlin.de